

Китайская поэзия древности и современности является источником высокодуховных и нравственных чувств, источником эстетического наслаждения. Китайские поэты тонко чувствуют красоту природы и красоту человеческой души. В «Шицзин» (в разделе из «Песен царства Тан») поэт XI–VII вв. до н. э. призывает не гнаться за наслаждениями, а думать о собственном долге. Долг должен стоять на первом месте. Выполнив его, можно веселиться и наслаждаться. Однако поэт напоминает, что веселье должно быть умеренным («любить веселье не до разгула»).

Но надо не гнаться
за наслажденьем,
А думать всегда
о собственном долге,
Любить же веселье
не до разгула:
Достойному мужу
в нем быть осторожным [1].

Поэт призывает «думать о долге, о незавершённом», «в трудах быть усердным». Наряду с мыслями о быстротечности жизни («с лунами дни уйдут незаметно») чувствуется оптимизм поэта. Рефреном повторяется призыв к веселью:

Нам если сегодня
не веселиться,
С лунами дни
уйдут безвозвратно.
Нам если сегодня
не веселиться,
С лунами дни
уйдут понапрасну.
Нам если сегодня
не веселиться,
С лунами дни
уйдут незаметно [1].

Поэт испытывает всю гамму человеческих чувств. Наряду с весельем он призывает «думать еще о многих печалях», чтобы их предотвратить, быть к ним готовыми, чтобы их преодолеть. При этом достойному мужу необходимо быть невозмутимым, спокойным, твёрдым, уверенным в себе.

Единение человека с природой является центральной идеей китайской поэзии. В «Песнях царства Цинь» сама природа сочувствует печали человека. У человека «скорбное сердце безутешно», печальному сердцу сочувствует и густо разросшийся северный лес, и раскидистый дуб, и гибкие вязы, и ветвистая слива, и дикие груши.

Поэма Цюй Юаня «Лисао» высокодуховна, отражает «высокий строй души», но отмечает и быстротечность жизни: «Стремительно текут светила в небе, и осенью сменяется весна». Человек – часть природы, он близок к ней.

Ум человека сравнивается с цветником, поэт отмечает «умов разнообразных цветники: там и душистый перец, и корица, а не одни нежнейшие цветы». Единство с природой проявляется во всём: «Цветы, деревья, травы увядают, и дни красавца князя сочтены».

Причину бедствий поэт видит в неправильности избранного пути: «А Цзе и Чжоу шли путём неверным и потому от бедствий не спаслись», «их путь во мраке к пропасти ведёт» [1].

Поэт обличает пороки человека:

В стяжательстве друг с другом состязаясь,
Все ненасытны в помыслах своих,
Себя прощают, прочих судят строго,
И вечно зависть гложет их сердца.
Все, как безумные, стремятся к власти...
Бездарные всегда к коварству склонны,
Они скрывают черные дела,
Всегда идут окольными путями,
Увертливость – единый их закон!

Порокам поэт противопоставляет добрые дела:

Мои дела – цветущие поляны,
Я орхидеями покрыл сто му,
Взрастил благоухающие травы,
А среди них – и шпажник и духэн...
Уж я ли не радел о благе общем,
Я шел дорогой праведных князей,
Но ты, всеильный, чувств моих не понял,
Внял клевете и гневом воспылал.
Я твердо знаю: прямота – несчастье,
Но с ней не в силах разлучиться я...
За мудрецами шел я неотступно,
Но никакой хвалы не услышал...
Сбираю я тончайшие коренья,
Чтоб ими плющ упавший подвязать,
Коричные деревья выпрямляю,
Вяжу в пучки душистую траву [1].

В эпилоге раскрывается драма талантливого, гордого, честного человека, опередившего время и не понятого соотечественниками:

«Все кончено!» – в смятенье восклицаю.
Не понят я в отечестве моем, –
Зачем же я о нем скорблю безмерно?
Моих высоких дум не признают, –
В обители Пэн Сяня скроюсь...

Эта тема раскрывается и в стихотворении «Плачу по столице Ину». Произведение пронизано чувством глубокой любви к отечеству: «О деревья отчизны! Долгим вздохом прощаюсь», «Но душа, как и прежде, рвётся к дому обратно», «нет, не хочется верить, что ушёл я из дома», «без вины осуждённый я скитаюсь в изгнанье и ни днём и ни ночью не забыть мне об этом», «ну когда же смогу я снова в дом мой вернуться!». Поэта не оставляют мыс-

ли о соотечественниках: «Справедливо небо, ты закон преступило! Почему весь народ мой ты повергло в смятение?», «люди с кровом расстались, растеряли друг друга».

Тему родины глубоко и проникновенно раскрывает Ван Цань (177–217) в стихотворении «Взошёл на башню»:

Я вижу – все вокруг меня прекрасно,
Но не родная это сторона.
Удержат ли меня ее богатства,
И восхищенья стоит ли она?
Волнения и смуты в отчем крае
В чужие земли бросили меня.
Двенадцать лет я с родиной в разлуке,
Двенадцать лет, до нынешнего дня!
Как мне уйти от горестных раздумий,
Когда душа истерзана тоской?
Я вдаль смотрю, склонившись на перила,
И грежу возвращением домой.
Мне кажется, что там, за этой далью,
Где сблизился с землею небосвод,
Места родные различаю смутно,
Поля, леса за гранью гор и вод...
Но я оторван от моей отчизны:
Там, вдалеке, лишь цепь Цзиншаньских гор.
Непрошеной слезою отуманен,
Теряет остроту, слабеет взор.
Не суждено желанный край увидеть –
Так воздуха бы с родины хлебнуть!
И я навстречу северному ветру
Спешу подставить жаждущую грудь [1].

Поэт тяжело переживает разлуку с родиной, он одержим желанием посвятить себя родине, с тревогой он спрашивает себя: «Удастся ль мне способности и силы на родине далекой применить?» [1].

Ду Фу (712–770), китайский поэт эпохи Тан отождествлял свою горькую судьбу со страданиями всего китайского народа, он тяжело переживал разлуку с родиной: «В печали прощаюсь с родными местами».

В «Оде мандариновому дереву» поэт по-хорошему завидует гордому мандариновому дереву, которое высоко поднимается и никогда не сгибается, его корни вросли в землю («корни в землю вросли..., никому не сломить вековое твоё постоянство»). Плоды дерева поэт сравнивает с «чистотою души благородной». Смелого и стройного юношу поэт сравнивает с мандариновым деревом:

Я люблюсь тобою,
о юноша смелый и стройный,
Ты стоишь – одинок –
среди тех, кто тебя окружает.
Высоко ты возвысился
и, никогда не сгибаясь,
Восхищаешь людей,
с мандариновым деревом схожий [1].

Лучшие традиции китайской поэзии сохраняются и развиваются современными поэтами. Пять из них признаны наиболее популярными и читаемыми

ми [2]. Одним из них является Хай Цзы (1964–1989). Он внёс свой вклад в переход от древних китайских стихов к современным. В своих стихотворениях он касается многих тем: любви, родины, смерти, природы. Он вырос в деревне и любил уникальный деревенский пейзаж. Поэт всегда чувствовал себя частью природы и написал много стихов, посвящённых природе и деревне. Для поэта характерен оптимизм, любовь к природе, радостное мироощущение, к сожалению, не реализованное в жизни. Вместе с тем его поэзия – своеобразное завещание людям жить долго и счастливо:

Я гляжу на море: весной погода теплее и распускаются цветы
С завтрашнего дня я стану счастливым человеком.
Буду кормить лошадей, колоть дрова, совершу кругосветное путешествие.
С завтрашнего дня я буду заботиться об овощах и хлебах.
У меня будет дом с видом на море, вокруг будут цветы.
С завтрашнего дня я буду переписываться с каждым родным человеком,
Поделюсь с ними своим счастьем.
Молния рассказала мне о том счастье,
Я каждому расскажу о нем.
Буду ласково называть каждую реку и каждую гору.
Незнакомец, я и тебе желаю счастья.
Желаю, чтобы у тебя было светлое будущее.
Желаю, чтобы ты женился на любимой.
Желаю, чтобы ты приобрел счастье в мире.
А я только хочу глядеть на море, любоваться цветами весны [2].

В стихах Юй Гуанчжоу(1928–2017) звучит тема тоски по родине, Китай для него – мать, а Европа – чужая женщина:

В детстве
тоска по родине бала маленькой маркой
я здесь
мама там
когда вырос
тоска стала узеньким пароходным билетом
я здесь
моя женщина там
а потом
тоска превратилась в крошечный холмик
я снаружи
мама внутри
и сейчас
тоска это быстрые воды пролива
я здесь
Китай там [2].

Китайские поэты XX столетия также поэтически описывают быстротечность человеческой жизни, быстротечность времени. Ай Цин волнует потерянное время:

Гэта не пакінутыя рэчы:
Іх бюро знаходак нам вяртае;
Час нам не вярнуць, як тыя рэчы, –
Невядома, дзе яго губляюць;
Па драбніцах, што драбней гароxu,
Ці адразу –дзесяць год ці дваццаць –
Цэлая губляецца эпоха [3].

Поэт представляет стремительное время «вадкім віруючым целам», которое не словить ни сетками, ни решетом, время сравнивается с газом, с дымом над бегущим паровозом.

Китайская древняя любовная лирика полна печали, боли от разлуки с любимым. Шестнадцатое, Семнадцатое, Восемнадцатое и Девятнадцатое стихотворения из «Девятнадцати древних стихотворений» проникнуты печалью и тоской по любимому супругу, желанием за супругом «вместе с ветром вослед лететь»

Но ведь у меня
быстрых крыльев сокола нет.
Могу ль я за ним
вместе с ветром вослед лететь?

Ищу его взглядом,
чтоб сердце как-то унять.
С надеждою все же
так всматриваюсь я в даль,

И стою, вспоминаю,
терплю я разлуки боль.
Текут мои слезы,
заливая створки ворот [1].

Преданность, печаль, тоска, желание быть с любимым отражены в Семнадцатом стихотворении, которое является примером возвышенных чувств любящего человека:

Семнадцатое стихотворение

С приходом зимы
наступила пора холодов,
северный ветер –
он пронизывает насквозь.

От многих печалей
узнала длину ночей,
Без устали глядя
на толпы небесных светил:

Три раза пять дней –
и сияет луны полный круг,
Четырежды пять –
«жаба» с «зайцем» идут на ущерб...

Однажды к нам гость
из далеких прибыл краев
И передал мне
привезенное им письмо.

В начале письма –
как тоскует по мне давно,
И далее все –
как мы долго в разлуке с ним.

Письмо положила
в рукав и ношу с собой.
Три года прошло,
а не стерлись эти слова...

Что сердце одно
любит преданно на всю жизнь,
Боюсь, господин,
неизвестно тебе о том [1].

В «Восемнадцатом стихотворении» говорится о «нитях вечной любви» для одеяла «на радость двоим», выражена мечта о неразрывности уз, неразделимости судеб любящих людей, вера в то, что «давний мой друг всё же сердцем своим со мной»

Восемнадцатое стихотворение

Однажды к нам гость
из далеких прибыл краев,
И передал мне
он узорчатой ткани кусок:
Меж нами легло
десять тысяч и больше ли,
Но давний мой друг
все же сердцем своим со мной.
В узоре чета
юань-ян, неразлучных птиц.
Из ткани скрою
одеяло «на радость двоим».
Его подобью
ватой-нитьями вечной любви.
Его окаймлю
бахромой – неразрывностью уз.
Как взяли бы клей
и смешали с лаком в одно, -
Возможно ли их
после этого разделить! [1]

В «Девятнадцатом стихотворении» выражена тоска, печаль, слёзы женщины, не находящей себе места в ожидании любимого:

Девятнадцатое стихотворение

Ясный месяц на небе –
белый и яркий, яркий –
Осветил в моей спальне
шелковый полог кровати.
И в тоске и печали
глаз я уже не смыкаю,
И, накинув одежду,
не нахожу себе места...
У тебя на чужбине
хоть и бывает радость,
Ты бы все-таки лучше
в дом наш скорей вернулся.
Выхожу из покоев,
долго одна блуждаю:
О тоске моей мысли
разве кому перескажешь?..
И, взглядевшись в дорогу,
снова к себе возвращаюсь.
Тихо падая, слезы
платье мое орошают [1].

Современная любовная китайская лирика интересна и значительна. Лирика Шу Тин (род. в 1952 г.) в меньшей степени отражает тоску, печаль, слё-

зы любящего человека. Желание любви сочетается со стремлением быть гордым, независимым, не страдать «от глупой любви». Нет в лирике также стремления возвыситься над миром любимого. Подчёркиваются достоинства каждого человека. Стремление к свободе, независимости в любви сочетается с желанием быть вместе, желанием быть деревом, «что корни с твоими сплетёт». Своеобразным призывом к любви являются слова: «Мы разделим и бурю, и холод, насладимся туманами, дымкой... и на радугу будем смотреть». Шу Тин выразила новое понимание взаимоотношений между мужчиной и женщиной: равенство при признании различий.

К дубу

Если я тебя люблю,
То не стану, лиане подобно,
Обвивать высокие ветви,
Выставляя себя напоказ.

Если я тебя люблю, я
Не буду, подобно птице,
Ослепшей от глупой любви,
Раз за разом петь скучную песню
В зелёной-зелёной листве.

И я точно не стану ключом,
Дарящим прохлады спасенье,
И я точно не стану вершиной,
Что возвысит над миром тебя.

Ни солнца, ни капель дождя
Не хватит, чтоб петь о любви.
Я хочу быть лишь хлопковым деревом,
Что корни с твоими сплетёт –
И никто этих слов не поймёт.

У тебя – ствол железный и ветви
Словно нож, словно меч, алебарда.
У меня алым полны бутоны,
Тяжелы, словно вздохи мои.
И ярче, чем факелов цвет.

Мы разделим и бурю, и холод,
Насладимся туманами, дымкой,
Что окутает горы с утра,
И на радугу будем смотреть [2].

Китайская поэзия отражает всю гамму человеческих чувств: печаль, веселье, радость труда и выполненного долга. В ней выражен идеал гармоничного человека, любящего родину, тоскующего в разлуке с ней, понимающего быстротечность жизни и потому ценящего веселье, любовь, красоту природы и человеческих чувств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник «Китайская классическая поэзия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/Poechin/china_classic.txt. – Дата доступа: 11.11.2019.
2. Топ 5 китайских современных поэтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: okna-news.info. – Дата доступа: 11.11.2019.
3. Пад крыламі дракона : Сто паэтаў Кітая / уклад. і пер. на беларус. мову М. Мятліцкага. – Мінск : Выдавецкі дом «Звязда», 2012. – 280 с.